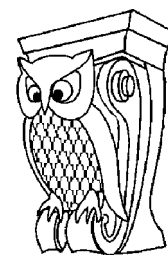

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 305–311
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 305–311
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-305-311>, EDN: AKMYBE

Научная статья
УДК 353.2.072.6(470.44)|19|

Формирование органов советского контроля (1926–1934 годы)

В. А. Митрохин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Митрохин Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политических наук, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, AuthorID: 385312

Аннотация. В статье рассматривается деятельность органов власти в направлении поиска приемлемой модели организации контроля в обществе советского типа. На материале архивных источников проанализированы приемы, методы и технологии, связанные с вовлечением трудящихся в работу Рабоче-Крестьянской Инспекции и выстраиванием всей системы функционирования контрольных ведомств. Показано, каким образом подобная практика согласовывалась с курсом ВКП (б) и Советского правительства, трудности и противоречия, препятствовавшие вовлечению граждан в управление государством в условиях нарастающих внутривластных противоречий.

Ключевые слова: Советская власть, социалистическая демократия, контроль, ревизия, Рабкрин, госаппарат

Для цитирования: Митрохин В. А. Формирование органов советского контроля (1926–1934 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 305–311. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-305-311>, EDN: AKMYBE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Formation of Soviet control bodies (1926–1934)

V. A. Mitrokhin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Vladimir A. Mitrokhin, MitrokhinVA@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, AuthorID: 385312

Abstract. The article considers the activities of the authorities in the direction of finding an acceptable model for the organization of control in a Soviet-type society. Based on archival sources, methods and technologies related to the involvement of workers to the work of the Workers' and Peasants' Inspectorate and the construction of the entire system of functioning of control departments are analyzed. It is also shown how such a practice was coordinated with the course of the CPSU (b) and the Soviet government, difficulties and contradictions that prevented the involvement of citizens in the management of the state in the face of growing internal party contradictions.

Keywords: Soviet power, socialist democracy, control, audit, Rabkrin, state apparatus

For citation: Mitrokhin V. A. Formation of Soviet control bodies (1926–1934). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2024, vol. 24, iss. 3, pp. 305–311 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2024-24-3-305-311>, EDN: AKMYBE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Важным направлением работы в условиях радикальной трансформации российского общества и преодолению системного кризиса в 1917 г. явился учет и контроль за количеством труда и распределением продуктов. Ленинские идеи об учёте и контроле нашли свое нормативное отражение в одном из первых декретов Советской власти – «Положении о рабочем контроле» от 14 ноября 1917 года.

Само по себе введение рабочего контроля над производством и распределением товаров и финансовой стороной деятельности предприя-

тия обосновывалось интересами «планомерного регулирования народного хозяйства», поддержания порядка, дисциплины и охраны имущества. Организационно рабочий контроль представлял собой централизованную систему выборных органов, при этом функции низовых звеньев выполняли заводские и фабричные комитеты, советы старост. Их решения имели обязательную силу для владельцев предприятий и учреждений всех форм собственности. [1, л. 9]

Тема формирования системы контроля за мерой труда и потребления получила дальнейшее

развитие в создании Центральной контрольной комиссии. Декрет об её образовании, за подписью главы Совнаркома В. И. Ленина, был издан 18 (31) января 1918 г. Так же были созданы учётно-контрольные коллегии местных Советов и выборные контрольные комиссии в учреждениях и на предприятиях.

По сути, это были первые шаги в направлении создания единых органов контроля Советского государства с непосредственным участием в них трудящихся. Этот подход («орачивания» и «окрестьянивания») нашёл своё дальнейшее развитие в создании Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ) и преобразовании, некоторое время существовавшего, наркомата государственного контроля.

Следует отметить, что приобщение трудящихся к контролю, а по сути – управлению хозяйством, в полной мере согласовывалось с установкой классиков марксизма на завоевание демократии и осуществления народовластия [2, с. 446].

Эти идеи нашли дальнейшее теоретическое и практическое продолжение в деятельности первого главы правительства (Совнарком), создателя Советского государства В. И. Ленина. С его точки зрения, только коммунизм в будущем в состоянии обеспечить полную демократию [3, с. 90].

Как нам представляется, создание Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ) в 1920 г., упорная работа по её совершенствованию в последние годы, является классическим примером организационного и институционального воплощения идеи народовластия в процессе государственного строительства [4, с. 451–458].

При всех трудностях и противоречиях, какие имели место в процессе выстраивания контрольной системы, в первой половине 1920-х годов в стране, по большей части, удалось сформировать основы организации и функционирования контроля. Тем не менее, сложившийся порядок не в полной мере отражал запросы динамично развивавшегося народного хозяйства.

5 ноября 1926 г. главой Рабоче-Крестьянской Инспекции СССР стал Григорий Константинович Орджоникидзе. Новый нарком придерживался позиции пересмотра Положения о Народном Комиссариате (НК) РКИ в сторону расширения его прав и полномочий с соответствующим юридическим закреплением.

Первым шагом в этом направлении стали подготовленные ЦКК и РКИ зимой 1927 г. и представленные вскоре на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП (б) так называемые «Предложения ЦКК-РКИ» [5, л. 138]. В них намечалось в рамках усиления режима экономии, борьбы с бесхозяйственностью, бюрократизмом и волокитой предоставить Наркомату РКИ полномочия наложения дисциплинарных взысканий (вплоть до придания виновных суду), а также устранения и увольнения должностных лиц. Инициатива

была поддержана руководством партии. 3 марта 1927 г. документ был рассмотрен и утверждён на заседании Политбюро ЦК ВКП (б).

Было решено, что теперь, наряду с требованиями упрощения отчётности, сокращения ряда органов, представительств и штатов, решения Рабкрина в указанных областях управленческой деятельности «являются для ведомств и госпредприятий окончательными и подлежащими исполнению» [5, л. 138].

Обращает на себя внимание кадровая сторона вопроса «Предложений ЦКК-РКИ». Предполагались строгие меры воздействия, в том числе, в отношении членов партии. В случае нарушения законодательства и требований «революционной законности» предлагалось не просто ограничиваться выговорами и предупреждениями, а карать «незвизывая на лица».

В случае несоответствия члена партии предъявляемым требованиям, совершения им неблагоприятных проступков применялись разные формы наказания, включая исключение из рядов ВКП (б).

Судя по представленным архивным данным РГАНИ, руководством осуществлялся постоянный мониторинг состава партии, включая характеристику исключённых с подробным описанием характера проступков

Повышенные требования и внимательное отношение к морально-этическим качествам членов партии с учётом данного этапа социалистического строительства, являлось знаковой характеристикой кадровой политики в 1920-е гг. [5, л. 45].

В п. 6 документа под названием «Предложения ЦКК-РКИ» Комиссии по революционной законности предлагалось изыскать возможности для «наиболее близкого сотрудничества РКИ и органов юстиции, а также мерах по усилению состава судебно-следственных органов». В этой связи 3 марта 1927 г. Политбюро ЦК ВКП (б) поручило руководству Рабкрина в десятидневный срок довести изменённый проект «Положения об РКИ» до Советского правительства.

Работа над ним вылилась в принятие 4 мая 1927 г. Постановления ЦИК и СНК СССР «О расширении прав Рабоче-Крестьянской инспекции», согласно которому роль РКИ в управлении социалистическим строительством принципиально изменилась. Его структуры получили право принимать обязательные для всех учреждений и предприятий постановления об упрощении отчётности, ликвидации ненужных органов и представительств, сокращения штатов, изменения структуры, о наложении дисциплинарных взысканий, а также об отстранении от работы и увольнении должностных лиц за явную бесхозяйственность.

Более того, в соответствии с директивами XIII съезда ВКП (б) ЦКК-РКИ направляла и координировала контрольную деятельность всех

Статистика исключения членов партии из ВКП (б) за общественно порицаемые проступки (1923–1924 гг.)

Название проступка	Абсолютное число исключённых	% исключённых к числу привлечённых в 1924-м году	% исключённых к числу привлечённых в 1923-м году
Склока	127	17,8	21,4
Пьянство	1585	28,6	36,4
Исполнение религиозных обрядов	382	50,3	72,4
Нарушение партдисциплины	1167	28,7	43,4
Хозобрастание, нажива, спекуляция	292	51,3	55,2
Преступления по должности	947	91,9	50,5
Уголовные преступления	915	95,3	77,4
Чуждый элемент	629	99,8	86,5
Халатное отношение к служебным обязанностям	240	14,3	Нет сведений
Связь и поддержка отношений НЭПовским и чуждым элементом	161	38,1	Нет сведений

Составлено по: [5, л. 45].

центральных органов государственного управления: Госплана, ЦСУ, Наркома финансов. В 1928 г. НК РКК СССР был уже наделён правом приостанавливать производство контрольной работы в случае установления параллелизма проверок ведомств [6, с. 62].

Ликвидация в 1930 г. округов, введенных в результате административно-территориальной реформы 1920-х гг., и проведение мероприятий по укреплению районного звена управления привели к созданию районных и городских отделов РКК. Система стала более разветвлённой, а низовые органы приблизились к объектам контроля.

На этом этапе деятельности ЦКК-РКК старалась держать курс на сочетание государственного контроля с общественным, поэтому в ее практике появилось много новых форм вовлечения рабочих и крестьян в работу по совершенствованию государственного аппарата. К их числу относились комиссии при фабрично-заводских комитетах, производственные совещания, шефство над учреждениями, соцсовместительство, «лёгкая кавалерия» (к 1930-му г. в работу «лёгкой кавалерии», состоявшей, преимущественно из молодёжи, было вовлечено свыше 250 тысяч человек) [6, с. 66]. Также получили дальнейшее развитие формы, выработанные РКК ранее: группы содействия на предприятиях, в колхозах, совхозах, контрольные посты, участие в работе бюро жалоб.

Тем не менее, вопрос эффективности данного органа, а зачастую дублирования с его стороны деятельности органов непосредственного управления народным хозяйством, не потерял своей актуальности. К этому выводу подталкивают

сохранившиеся архивные материалы, в частности развернувшаяся в конце тридцатых годов полемика между главой РКК РСФСР Никифоровым Ильичём Ильиным (30.09.1925–10.03.1934) и заместителем председателя СНК РСФСР, секретарём ЦК ВКП (б) Александром Петровичем Смирновым.

Последний обвинил руководство наркомата во «вмешательстве в вопросы, уже решённые СНК, которое внесло ненужную волокиту и запутало дело» [5, л. 166]. В своём письме в инспекцию А. П. Смирнов указывал, что НК РКК РСФСР, вопреки Постановлению Правительства от 27 июля 1927 г., занялся работой по установлению штатов центральных аппаратов, в результате чего работа ведомств была затруднена.

В свою очередь Н. И. Ильин утверждал, что подобное обвинение не только вытекало из неправильного толкования прав и обязанностей РКК, но и «является завершением ряда действий, направленных к урезанию прав РКК, умалению её значения и авторитета» [5, л. 158]. Например, она просматривались в Постановлении СНК РСФСР «О порядке разрешения съездов, созываемых госучреждениями и предприятиями» (15 сентября 1927 г.). РКК была просто отстранена от согласования этих вопросов. Со всей очевидностью та же линия видна в Постановлении от 16 ноября 1927 г., затрагивавшим вопросы установления и изменения отчётности организаций.

В действиях своего оппонента руководитель Рабкрин РСФСР усмотрел попытку препятствовать законным действиям организации

по борьбе с разбуханием штатов в госучреждениях и в первую очередь в центральном аппарате. Последние, писал Н. И. Ильин в своём письме в Политбюро ЦК ВКП (б), «ложатся тяжёлым бременем на государственный бюджет, служат источником развития всех видов бюрократизма». По утверждению Н. И. Ильина борьба с центральными ведомствами за сокращение штатов в 1926/27 хозяйственном году была весьма напряжённой, что являлось не только правом, но и обязанностью Рабкрина. Тем не менее, под давлением республиканского правительства 2 декабря 1927 г. НК РКИ вынужден был принять решение об отказе рассмотрения штатов, «признав неправильность проводимой работы» [5, л. 166]. В своём письме в Политбюро ЦК партии руководитель РКИ Российской Федерации обращается с просьбой «обязать т. Смирнова внести соответствующие изменения в Постановления СНК, в которых урезаются права РКИ» [5, л. 166].

Вопрос о деятельности Правительства РСФСР и правах действительно был поставлен на заседании Политбюро ЦК, о чём свидетельствует выписка из протокола № 5 от 12 января 1928 г. Однако в постановляющей части документа сделана лишь одна запись – «отложить» [5, л. 157].

Соперничество руководства Рабкрина РСФСР и Правительства республики по-своему отразилось в Постановлении СНК № 360 от 8 апреля 1932 г., принятого по докладу НК РКИ «О состоянии контроля за выполнением директив партии, правительства и оперативных планов ведомственными, центральными учреждениями и организациями РСФСР». В этом постановлении указано, что надлежащий уровень организации контроля и проверки исполнения не был обеспечен, «нередко контроль сводится к бумажной констатации отдельных недочётов без их устранения и принятия мер, обеспечивающих своевременное исполнение директив партии и решений правительства» [5, л. 180].

Совет Народных Комиссаров РСФСР постановил «осуществить коренную перестройку работы органов проверки исполнения и методов их работы». Было предложено не позднее 15 апреля 1932 г. привести организацию контроля в полное соответствие с постановлениями Совнаркома от 23 ноября 1930 г. и 5 мая 1931 г. о состоянии контроля за выполнением правительственных заданий и поручений [5, л. 180]. Предписывалось создать единый контрольный орган в центре и на местах, без «распыления» по разным структурам (НК легкой промышленности, НК просвещения и др.). В декадный срок укрепить сектора проверки исполнения квалифицированными специалистами, которые в своей работе должны поддерживать постоянную связь с общественными, профессиональными, шефскими и другими организациями.

В п. 3 Постановления было записано предложение «применять более решительные меры дисциплинарного воздействия в отношении учреждений и лиц, не исполняющих в срок директивы партии и правительства» [5, л. 180].

Жёсткой критике предшествующая работа Рабкрина подверглась со стороны нового наркомата РКИ СССР Я. Э. Рудзутака, вступившего в должность 9 октября 1931 г. Им было разослано письмо под грифом «секретно» республиканским, краевым и областным структурам КК-РКИ с исчерпывающим анализом положения дел в контрольных органах. На этот раз основной акцент был сделан на ситуацию на местах. Указывалось, что органы КК-РКИ «не показали себя органами действительной проверки выполнения директив партии и правительства... в ряде случаев не проявили необходимой чуткости к жалобам трудящихся... не реагировали на извращения линии партии и болезненные явления в парт-организациях» [5, л. 176]. В качестве примера приводилась деятельность контрольных органов Томского сельского района, которые проявили полное равнодушие к ликвидации ряда колхозов и передачи обобществлённого имущества в распоряжение совхозов под видом их укрепления.

«Бездействие и близорукость» КК-РКИ, по мнению нового руководства наркомата, проявляются в реакции этих органов на невыполнение взятых обязательств колхозами и совхозами в целом ряде регионов страны (Украина, Урал, Татария, Казахстан, Западная Сибирь).

Представители ряда контрольных органов, как показали проверки, закрывали глаза на очевидные факты разложения верхушки местной власти. Факты хищения, семейственности, самоснабжения, пьянства обнаружены в Московской области, Нижегородском крае, Белоруссии и других местах. На основании представленных фактов был сделан вывод о том, что «организационное руководство районным звеном поставлено неудовлетворительно» [5, л. 177].

В данном письме НК РКИ СССР по пунктно представлена система мер для исправления сложившегося положения на местах. Акцент был сделан на привлечение неравнодушных граждан, партийных активистов и групп содействия.

О сботах и трудностях в организации работы РКИ свидетельствуют документы эпистолярного жанра. Один из них сохранился в фондах РГАНИ. Это письмо рабочего (фамилия, к сожалению, не указана) одного из Московских заводов, адресованное лично Генеральному секретарю ЦК ВКП (б) И. В. Сталину [7, л. 6]. Автор письма, как утверждалось, «после долгих раздумий» решил поделиться своими впечатлениями о работе в одной из структур Рабоче-Крестьянской Инспекции. Основной своей задачей, на первоначальном этапе, он видел оказание помощи «в борьбе с бюрократизмом, волокитой и искривлениями классовой линии». Вместе со своими

товарищами принял участие в обследовании ряда московских предприятий (в частности, в рамках кампании по мобилизации металлоресурсов), трудился в аппарате бюро жалоб РКИ и стремился содействовать решению проблем трудящихся на основании «многочисленных жалоб и предложений», руководствуясь ленинской формулой «не только ловить, но и уметь исправлять».

Однако, по мнению рабочего, вся эта деятельность, осуществляемая, как правило, после трудовой смены, не находила поддержки как со стороны партийной, так и профсоюзной организаций – «работа в БЖ РКИ не считалась общественной нагрузкой и рассматривалась как добровольное занятие» [7, л. 6]. Далее автор письма утверждал следующее: «Многие из нас, работая в качестве общественных инспекторов, несут по две-три нагрузки на самом предприятии. При этом мы с большим трудом добиваемся того, чтобы ячейка или завком поставили наш отчёт о работе в РКИ... Такое отношение не только отбивает охоту по-настоящему работать, но и препятствует притоку новых добровольцев» [7, л. 6].

Несмотря на нарисованную довольно удручающую картину, в этом послании И. В. Сталину присутствовала некоторая доля оптимизма и отсылка к «ленинской традиции» – «сейчас, по инициативе М. И. Ульяновой, мы приступили к проведению Всесоюзного пятидневника по усилению работы Бюро жалоб». Письмо заканчивалось пламенным призывом: «Просим тебя, как вождя ленинской партии, стоящего на страже заветов Владимира Ильича и знающего отношение Ленина к работе масс в РКИ, сказать своё веское слово, помочь нам устранить трудности, дать возможность максимально проявить стремление к борьбе за лучший советский аппарат и быстрейшую ликвидацию в нём нравов и обычаев старого чиновничества» [7, л. 6].

Как нам представляется, появление письма, адресованного лидеру партии и государства от имени «простого рабочего» было продуманной, организованной акцией и являлось не только отражением партийной борьбы в высшем эшелоне власти, но и проявлением неудовлетворённости части партийной и советской номенклатуры качеством и эффективностью разветвлённого и трудноуправляемого аппарата.

Конечно, претензии к организации работы РКИ на местах, изложенные в письме-обращении, были небезосновательны и в определённой степени отражали сложившуюся ситуацию в сфере контроля. Тем не менее, само письмо, вызвавшее живую реакцию в высшем эшелоне власти, можно рассматривать в качестве шага на пути дискредитации, а в дальнейшем упразднения сложившейся в 20-е годы контрольной системы с её широким народным представительством.

В начале 1932 г., наряду с острейшим вопросом хлебозаготовок, неожиданно остро встала

проблема расширения ассортимента и доступности для населения товаров широкого потребления. С идеей энергичнее привлекать к этой работе ЦКК-РКИ выступил сам И. В. Сталин. Вопрос рассматривался на заседании Политбюро ЦК 10 апреля 1932 г. (выписка из протокола № 95). В предложениях, озвученных Генеральным секретарем ЦК ВКП (б) на заседании, было отмечено, что «основная задача состоит в том, чтобы проверять изо дня в день исполнение решений центра о ширпотребе, развитии советской торговли, улучшении кооперативных и государственно-торговых организаций, развёртывании областных товарных баз Центросоюза» [7, л. 181].

Помимо этого, в директиве, которую Сталин предложил подготовить для местных органов ЦКК-РКИ, особый акцент предлагалось сделать на осуществлении грамотной политики цен. В решении Политбюро подчёркивалось, что по тому, как будет осуществляться эта работа, «будет проверяться дееспособность местных органов ЦКК-РКИ. В случае плохой работы в этой области они будут переизбираться» [7, л. 181].

Реакция главы РКИ Я. Э. Рудзутака на это решение не заставила себя долго ждать. В архиве сохранилась сделанная рукой записка наркома, адресованная лично Сталину и датированная 11 апреля 1932 г. В ней Я. Э. Рудзук просит просмотреть и поправить проект директивы РКИ по товарообороту, который сам оценивал как «не очень удовлетворительный». Также нарком извещает адресата (обращаясь, при этом, к нему на «ты») о планах срочного созыва совещания работников ЦКК-РКИ «чтобы растолковать, как следует, значение этого решения» [7, л. 183].

Проект директивы, адресованной республиканским, краевым, областным и районным КК-РКИ, с авторскими пометками И. В. Сталина, также сохранился в фондах Российского государственного архива новейшей истории. На этот раз «основной задачей» была обозначена «проверка решений партии и правительства, направленных на повышение материального благосостояния широких рабочих и колхозных масс». Контрольным органам, со ссылкой на решения XVII партийной конференции ВКП (б), было предложено «решительно перестроить свою работу, сосредоточив главное внимание на всемерном увеличении рыночных фондов ширпотреба и развитии советской торговли» [7, л. 184]. Также был предложен ряд мер, направленных на улучшение товарооборота за счёт мобилизации местных ресурсов, развёртывание колхозных базаров, развитие сети пошивочных и ремонтных мастерских.

В документе достаточно подробно проанализированы проблемы, имевшие место в этой сфере: длительное «залеживание» товарных масс, разбазаривание фондов снабжения различными учреждениями и предприятиями под видом

нужд государственного потребления, неудовлетворительное выполнение планов отгрузки товаров, что имело следствием замораживание товарооборота. Указывалось на значительные злоупотребления в торгово-кооперативной сети: нарушение установленных цен, обмер и обвешивание потребителей, подмена сортности, а также прямое хищение товаров с последующим сбытом по спекулятивной цене.

Контрольной Комиссии и НК РКИ вменялось проанализировать работу целого ряда наркоматов (лёгкой, пищевой, лесной промышленности) с позиции «выполнения планов производства предметов широкого потребления» и принять необходимые меры для расширения производства. Обращалось внимание не только на количественные показатели, но и качество продукции.

Особым направлением работы контрольных органов должна была стать «борьба с замораживанием товарооборота». Для этого предлагалось отслеживать выполнение планов отгрузки товаров для промышленных центров, сельскохозяйственных районов и их доведение до потребителей. Основной путь насыщения рынка товарами виделся в развёртывании оптовой и розничной сети (особенно в рабочих районах). С этой целью предлагалось не только максимально расширить и разнообразить торговую сеть (магазины, лавки, ларьки), но и добиваться улучшения качества обслуживания потребителей. В п. 4 проекта «Директивы» указывалось на необходимость изжития очередей, устранения грубости, соблюдения чистоты и т. д. Контрольные органы также должны были нацелены на пресечение незаконного явного и скрытого повышения цен, отслеживание выполнения норм установленных торговых накидок, искоренение всех возможных способов обмана потребителей [5, л. 186].

К сожалению, предпринимавшиеся попытки изыскать новые направления в работе РКИ, «придать новое дыхание» и задействовать всю её разветвлённую систему для решения очередных задач социалистического строительства успехом не увенчались. К началу 30-х годов Рабоче-Крестьянская Инспекция представляла собой гигантски разросшуюся, разнородную и трудноуправляемую структуру с недостаточным уровнем подготовки специалистов-контролёров, а в связи с этим – низкой эффективностью проводимой работы. Собственно, на всё это и указывал в уже упоминавшемся секретном письме, больше напоминающем приговор, Я. Э. Рудзутак. Документ был адресован республиканским, краевым и областным структурам РКИ. Касаясь организации работы КК-РКИ на Украине, Урале, в Казахстане, Татарии, Западной Сибири глава комиссариата отмечал «неудовлетворительное руководство контрольной деятельностью, особенно на районном уровне» [5, л. 176–177].

О трудностях на местах свидетельствуют и документы ГАРФ – переписка руководящих органов с местными организациями РКИ [8, л. 275–276].

В 1934 г. НК РКИ упраздняется. Вместо единого органа государственно-общественного контроля создаются Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП (б) и Комиссия советского контроля при СНК СССР. Некоторая связь между этими органами ещё сохранялась. В соответствии со ст. 3 и 4 Положения о Комиссии советского контроля (далее КСК) необходимо было проводить работу в «тесном контакте» с Комиссией партийного контроля [6, с. 67]. Однако создание новых структур, по сути, означало упразднение единого государственно-общественного контроля.

Новая социально-политическая реальность естественным образом привела к завершению и имевшего место соперничества между руководством СНК РСФСР и НК РКИ, что нашло своё отражение в Постановлении Российского ЦИК и Совета Народных Комиссаров РСФСР «О ликвидации Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции РСФСР, его местных органов и комиссий исполнения при СНК РСФСР, краевых и областных исполкомах».

В соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 11 февраля 1934 г. об образовании Комиссии Советского Контроля при СНК СССР постановили:

1. Народный Комиссариат РКИ РСФСР и его местные органы считать упразднёнными.
2. Комиссию Исполнения при СНК РСФСР и комиссии исполнения при СНК АССР, облисполкомах автономных областей, краевых и областных исполкомах – упразднить.
3. Аппарат НК РКИ РСФСР, его местных органов и комиссий – расформировать.
4. Предложить СНК РСФСР в месячный срок внести в действующее законодательство РСФСР изменения [5, л. 204].

Новая система организации советского контроля теперь представляла собой централизованную сеть органов, низовыми звеньями которой были уполномоченные в союзных и автономных республиках, краях и областях, утверждавшиеся СНК СССР. Положением о Комиссии советского контроля 1934 г. фактически отменялась сложившаяся разветвлённая сеть групп содействия органам государственного контроля, а тем самым и «романтический» период приобщения трудящихся к управлению государством завершился.

С трудом налаженная за первые годы социалистического строительства сеть взаимосвязи власти и народа была разрушена. Теперь полномочия в осуществлении контрольных функций в стране передавались группе зависимых от центральной власти чиновников, по-своему, в меру имевших место образованности и культуры, истолковывавших «волю народа». Был определён

особый порядок формирования кадрового состава комиссии советского контроля. Председателем комиссии назначался один из заместителей главы СНК. Кандидатура главы комиссии, так же, как и его заместитель, утверждались совместным постановлением ЦИК и СНК СССР.

В отличие от ЦКК и РКИ новое контрольное ведомство занималось сугубо проверкой исполнения решений власти. Какое-либо влияние на аппарат, ранее осуществляемое, например, с помощью групп содействия органам контроля, теперь исключался.

Некоторая связь с общественностью поддерживалась за счёт сотрудничества с комиссиями Советов. Статья 17 «Положения» обязывала привлекать к контрольной деятельности профсоюзы, ВЛКСМ, инженерный, колхозный актив, однако новая редакция «Положения о комиссии Советского контроля» ещё в большей степени ограничила возможности привлечения трудящихся к управлению государством в сфере контрольной деятельности.

В архивных фондах РГАНИ сохранились документы, которые частично проливают свет на кадровую политику руководства страны в этой сфере. Состав членов комиссии Советского контроля решением ЦК ВКП (б) и СНК СССР был определён в количестве 45 человек. Первые 35 кандидатов были утверждены 5 ноября 1939 г. В отношении оставшихся решение было принято 29 февраля 1940 г. [9, л. 159].

В справке КСК на имя Председателя правительства В. М. Молотова и секретаря ЦК ВКП (б) Г. М. Маленкова указан состав «новобранцев» контрольного ведомства с характеристиками на каждую персону и просьбой об утверждении. Как видно из документа, комиссия советского контроля пополнялась профессиональными экономистами, курировавшими в качестве уполномоченных КСК или контролёров разные сферы народного хозяйства по линии соответствующих наркоматов: Масленников И. Ф. – НК юстиции, Черняк М. К. – НК связи, Жуков В. К. – НК электропрома, Мосесов З. А. – НК морфлота и т. д. [9, л. 159; 10].

Подводя итог, отметим, что во второй половине 1920-х – начале 30-х гг. в сложившейся ещё в начале десятилетия контрольной системе наметились изменения. Несмотря на все попытки её усовершенствования, наделения управленческих структур РКИ большими полномочиями, её эффективность оставляла желать лучшего. Вопрос радикальной реорганизации рабоче-крестьянской инспекции буквально витал в воздухе

и являлся предметом жарких дискуссий в коридорах власти. В конечном итоге это привело к ликвидации единого контрольного механизма и разделению его на партийный и советский.

Решение, принятое руководством страны в 1934 г., хоть и способствовало большей «профессионализации» контрольных структур, насыщению их специалистами, однако, не сильно сказалось на их эффективности. А вот социальные последствия упразднения РКИ были очевидны. Прекратила существование разветвлённая периферийная сеть групп содействия народному контролю, вбиравшая в себя тысячи активистов по всей стране и формировавшаяся на протяжении более десяти лет. В конечном итоге, принятое решение значительно ограничило возможности привлечения граждан к управлению государством в сфере контроля и привело к дальнейшей бюрократизации контрольных структур.

Список литературы

1. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 19 (Протоколы СНК РСФСР). Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 30 т. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.
3. Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Издательство политической литературы, 1969. Т. 33. С. 3–120.
4. Митрохин В. А. Становление народного контроля в Советской России: социально-политическая практика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 451–458. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-4-451-458>
5. Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 3 (Политбюро ЦК, органы контроля ЦКК-НК, партийно-государственный контроль, комитет партийного контроля (1919–1966)). Оп. 55. Д. 3.
6. Народный контроль в СССР / [Отв. ред. В. И. Туровцев] ; АН СССР. Ин-т государства и права. М. : Наука, 1967. 284 с.
7. РГАНИ. Ф. 3 Оп. 55. Д. 10.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-4085 (Переписка Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской Инспекции с местными отделами РКИ). Оп. 1 а. Д. 1017.
9. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 55. Д. 12.
10. РГАСПИ. Ф. 558 (Сталин (наст. Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953)). Оп. 1. Д. 1978.

Поступила в редакцию 31.05.2024; одобрена после рецензирования 20.06.2024; принята к публикации 28.06.2024; опубликована 30.09.2024

The article was submitted 31.05.2024; approved after reviewing 20.06.2024; accepted for publication 28.06.2024; published 30.09.2024